

ГОРОД В УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В РОССИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Б.В. ТУАЕВА

Рубеж второго-третьего тысячелетий характеризуется высоким урбанистическим уровнем, когда городские системы становятся доминирующими, а представления о глобальной цивилизации чаще всего соотносятся с городским образом жизни. Города на всем протяжении исторического развития продемонстрировали удивительную живучесть, а также умение адаптироваться и трансформироваться в изменяющемся мире, а самое главное – оставаться центрами общественного развития.

Город как парадоксальная система состоит из частей, различных по возрасту, по степени интеграции и динамизма, которые в процессе эволюции показывают разную способность и темпы изменений. Многогранность города как социального организма, фокуса территории и населения, градообразующего, хозяйственного, культурного комплекса складывалась на протяжении длительного времени. Именно процессы урбанизации и интегрирующие эти процессы города в наибольшей степени определяли и определяют уровневые характеристики и общий социокультурный потенциал общества на всех этапах цивилизации и выполняют важную функцию обеспечения условий его развития [1, 3]. Следует отметить, что многочисленные исследования российских и зарубежных авторов «урбаниза-

ционного процесса», «урбанистических систем», урбанизации как «явления» не дают унифицированного подхода к проблеме. В коллективном труде исследователей города, выполненном под руководством историка-урбанолога Э.В. Сайко, мы находим мнение о том, что «зачастую пролеживается полный отрыв характеристик города и его культурно-исторической оценки от явления урбанизации». В одних случаях «урбанизация (чаще всего в исторических исследованиях) сводится к истории города, в других, в своей конечной представленности в структурно-содержательном ограничении (в том или ином конкретно-историческом варианте), город начисто отрывается от урбанизации как особого процесса, постоянно порождающего его в качестве специфического социокультурного феномена и разрываются глубинные связи их взаимодействия в единстве исторического осуществления» [1, 7].

Разнородность критериев и подходов исследователей отражается и в типологии, периодизации и классификации как собственно города, так и в целом всего хода урбанизации. Исследователи-урбанонологи предлагают историческую типологию: древний город, средневековый город, город нового и новейшего времени; есть и более широкие классификации городов: 1) по численности населения (малые – до 20 тыс.

чел.; средние – 20-100 тыс. чел.; крупные – 100-500 тыс. чел.; крупнейшие – 500 тыс. и выше; города-миллионеры; 2) по экономико-географическому положению; 3) по народнохозяйственным функциям; 4) по степени их участия в территориальном разделении общественного труда; 5) по генетическим признакам (признаки, обуславливающие формирование качественно определенного типа города); 6) по типам перспективного развития [2, 61-63, 244-246] и др.

По характеристике, данной известным географом Н.Н. Баранским [3, 257], города исключительно плотно заселены, являются транспортными узлами, распространяют «товары и идеи», господствуют над экономической жизнью; их важность в экономическом, политическом, культурном отношении оценивается в сравнении с занимаемой ими площадью, они консолидируют районы – все это превращает их в особые центры ареалов расселения, в фокусы его общей картины.

Относительно особенностей эволюции российской урбанизации П.Г. Рындзюнский [4, 554-555] приходит к выводу о параллельности процессов образования и развития городов и городского устройства в дореформенной России: *первый* проходил в «местах, не указанных правительством, где создавались, быстро росли и крепились поселения, имевшие признаки развивающегося города», инициированные широкими массами, у которых выход «из укрепленной и полукрепленной деревни» ассоциировался с надеждой на «утверждение себя самостоятельными производителями». *Вторая тенденция*, противоположная первой, связывается с ролью в устройстве и развитии городов «правлящего класса в лице дворянского правительства». Главное ее

содержание – борьба за поддержание и укрепление старого социального строя. Конечно, утверждает автор, «противоположность двух городообразовательных тенденций с большой выразительностью проявлялась при их непосредственных столкновениях, как это бывало, например, при образовании новых городов». Во многих случаях новые города возникали и развивались стихийно, на основе экономических сдвигов, нередко в связи с народно-освободительными движениями (промышленные окраины, поселения городского типа). При всей прогрессивности этого явления официальная власть «справедливо видела в этих самочинных образованиях очаги разрушения господствующего общественного строя. И тут пускалась в ход правительственная городоустроительная политика, которая означала насаждение охранительного аппарата в стихийно создававшихся поселениях; она тормозила развитие новых городов и ограничивала их значение как центров антикрепостнического движения». Городское развитие в обеих его разновидностях – в форме становления города промышленно-капиталистического типа и в форме образования городских поселений на окраинах страны в связи с их вольной колонизацией – принадлежало к числу важнейших общественных явлений, приведших к крушению феодализма [4, 555-557], став составной частью модернизационных процессов. Современник этих эпохальных событий А. Кизеветтер отмечал, что «к половине XIX века развитие русской жизни достигло критического момента. Неизбежность коренной реформы становилась все более очевидной: не менее очевидной становилась также необходимость приступить к реформе при помощи самого общества, при содействии всех его живых

и деятельных сил. Плод назрел; один порыв ветра, и он сорвется с ветки... XIX век истории России разбивается на две половины. Первая половина его является завершением векового процесса раскрепощения общества. В XVIII веке было раскрепощено дворянство и были сделаны первые отдаленные шаги к созданию свободного городского общества. К середине XIX столетия раскрепощение было распространено на все население империи. Со второй половины XIX столетия открывается эпоха выработки новых начал общественно-государственного быта для раскрепощения Руси. На этом пути нами пройдены пока лишь первые этапы» [5, 35-48]. Столь пафосные комментарии являлись реакцией не только на происходящие общественно-экономические реформы, но и выражали умонастроения части российской передовой общественности, их «чаяния и надежды».

Но не все было так однозначно. Это было время «общественного возбуждения, надежд, поисков путеводных идей», а с другой – временем нарастания «разочарования в предпринятых «сверху» преобразованиях, критики их... за половинчатость, приведших к непредвиденным социальным, экономическим и политическим последствиям», а также нарастания «тупой реакции, полного неприятия нововведений» [6, 22]. По мнению Б.Н. Миронова, реформы в России как в стране «второго эшелона модернизации почти всегда проходили с опережением возможностей, желаний и потребностей населения» [7, 3], но в течение XVIII – начале XX вв. именно российское самодержавие являлось «лидером модернизации, бесспорным проводником экономического, культурного и социального прогресса в стране. Существенные, может быть, наибольшие успехи за всю исто-

рию России были достигнуты в два последних царствования, при активном участии верховной власти и правительства. Патернализм верховной власти оставался востребованным со стороны народа в течение всего императорского периода» [8, 227]. Этот тезис справедлив и для города, так как и он в России, по утверждению Л.В. Кошман, «никогда не был свободным в отношениях с правительственной администрацией». Приоритетность политического фактора в становлении и развитии города Нового времени, его административной функции объективно создавала условия для «опеки» со стороны власти, которую город всегда ощущал на протяжении XIX в. Речь могла идти лишь о степени этого «надзора» [9, 477].

Непосредственное «присутствие» государства в жизни большинства городов империи, где бы они ни находились, в лице центральной администрации определяющим образом влияло на городское развитие, формировало городскую структуру, образ жизни горожан, облик самих поселений. Именно города были местом сосредоточения основной части властных структур. Регулирование деятельности институтов городского управления, сословная, финансовая политика (в частности, налоговая в отношении городских сословий), торговля и промышленность, – таковы были основные каналы фактически всеохватывающего прямого и косвенного вмешательства государства в городскую жизнь [10, 157].

Целостность административно-территориального образования империи определяла единство базовых процессов городского развития во всех регионах. Город выполнял внешние (обслуживание прилегающей территории) и внутренние (обслуживание собственных нужд) функции, а в качестве ав-

тономного территориального образования город, наряду с уездом, был интегрирован в общественную систему. Признаками города как автономного образования стали: городская черта, отделяющая территорию города от уездной; особый правовой статус по сравнению с деревней; городская общесловная община, включающая всех домовладельцев вне зависимости от сословной принадлежности [11, 154]. Город имел также органы муниципального самоуправления, ему предоставлялось рыночное право, фиксирующее особые правила торговли, а также герб.

Появление нового города или смена его статуса в существующей иерархии не были произвольным актом: администрация, обычно воевода, губернатор или генерал-губернатор, внимательно анализировала реальное положение имеющихся пунктов в системе расселения [11, 147]. И.И. Дитятин, которому принадлежит тщательная характеристика городских реформ в России XVIII – XIX вв., писал, что Министерство внутренних дел, занимаясь подготовительными работами к составлению проекта нового городского положения, «собрало в 1864 году все постановления закона о городских поселениях и на основании собранного таким образом материала пришло к очень сложному определению города по «закону»; определению, по которому в состав понятия о нашем городе входят три основных элемента: во-первых, так сказать, особый тип населения, отличного по своим занятиям от сельского; во-вторых, особая общественная администрация; и в третьих, наконец, наличность правительственных областных (губернских и уездных) учреждений». Таким образом появилось понятие города: «город есть такой пункт поселения, жители которого отличаются от сельских обывателей

образом жизни в силу того, что главным средством их к жизни служат торговля и разного рода промыслы; имеют свое особое, общественное управление; и который, кроме того, является центром областной администрации – губернской или уездной» [12, 302].

Город для государства с авторитарными институтами власти был в первую очередь инструментом управления территорией (в военно-административном, финансово-экономическом, социальном и других аспектах). Даже либеральная городская реформа 1870 года, введшая бессловное городское управление и положившая в основу представительства в выборных учреждениях городского управления буржуазный принцип единого имущественного типа, жестко ограничивала деятельность городских управ сферой городского хозяйства, а сами управы были подчинены надзору губернатора [10, 155].

Для многих регионов России строительство города чаще всего было сопряжено с началом их хозяйственного освоения. Однако в большинстве случаев «первым типом поселения были военно-оборонительные укрепления». Начальные стадии эволюции от «форпоста, крепости, редута и т.п. милитаризованных пунктов» были почти обязательными для преобладающего числа поселений на колонизируемых территориях. В XIX в. меняется сам тип поселения, и действуют иные причины, ведущие к зарождению городов, ставившихся центрами управления.

Процессы урбанизации имели огромное влияние на политическое и экономическое освоение Северного Кавказа. Выразителен «пространственный аспект урбанизации» XIX в.: 15 городов из 29 в европейской части России появились на Северном Кавказе,

окончательно вошедшем в состав империи по завершении Кавказской войны. Привлекая массу мигрантов из южно- и центрально-русских губерний, он превращался в крупнейший район товарного земледелия и животноводства. Так были основаны Новочеркасск, Владикавказ, Темир-Хан-Шура.

Вместе с тем существовали и иные предпосылки для возникновения на Кавказе городов (порты Новороссийск и Ейск, курорты Пятигорск и Кисловодск). Так, Кисловодская крепость должна была служить защитой для приезжающих на Минеральные Воды отдыхать и лечиться [13, 69]. Возникавшие на присоединенных окраинах России города, «изначально имевшие значение военно-колониционных пунктов», со временем становились хозяйственно-культурными центрами географически тяготеющих к ним территорий, утрачивая пограничный смысл своего существования. Внутреннее развитие этих городов было «необходимым условием и одновременно следствием вовлечения окраинных территорий» в общероссийские процессы [14, 70].

История северокавказских городов-крепостей развивалась под влиянием процессов, обусловленных рядом исторических и геополитических факторов. Построенные Россией «по просьбе кавказских народов» города-крепости (Терки, Кизляр, Моздок, Владикавказ) играли роль военных форпостов по защите «народов этого края от внешних врагов», способствуя в то же время развитию производительных сил [15, 142]. В условиях полного бездорожья и удаленности района от центра страны за относительно короткий период была создана мощная инфраструктура, представленная военно-оборонительными линиями с множеством крепостей и редутов. Укрепленные кордонные линии

постоянно наращивались, охватывая все новые и новые территории как на равнине, так и в предгорной и горной зонах региона [16, 25]. С одной стороны, это позволяло решать «проблему умирения горских народов» и активно вовлекать их в российскую экономику; с другой – под прикрытием военно-оборонительных укреплений разворачивалась хозяйственная деятельность, росли города и села, создавались условия для «взаимодействия народов горной, предгорной и степной частей» северокавказского региона.

Эпоха «завоевания» кавказского региона положила начало более глубокому его освоению. Империя подступала к Кавказу на протяжении полутора столетий; по мере ее продвижения степные территории Предкавказья превращались в границу, разделявшую «два чуждых друг другу мира». Одновременно граница по-прежнему оставалась «зоной интенсивных торговых и бытовых контактов, фронтиром» [17, 164], на всем протяжении которого шли интеграционные процессы, формируя уникальный социокультурный ландшафт.

Российская империя «проникала» на Кавказ разными путями; на политическом уровне это были «насильственные, вынужденные и добровольные присоединения отдельных народов», включение региона в единую административную систему. На экономическом уровне это было «хозяйственное и промышленное освоение», развитие производительных сил, создание рынка сырья и сбыта. На духовно-культурном уровне усилия сводились к распространению русского языка, «внедрению в массовое сознание кавказских народов российских гражданских устоев, обретению ими имперской идентичности» [18, 318]. По мнению В.В. Рабцевич, типичным фактором русской истории, на

протяжении веков играющим важную роль, была «непрекращающаяся колонизация во всех возможных направлениях – «куда соха, и топор, и коса пошли» [11, 145]. В этих условиях строительство городов и охрана границ становились главной заботой Российского государства. Являясь важнейшим звеном в осуществлении кавказской политики России и представляя собой весьма сложные социально-экономические организмы, сложившиеся в специфических геополитических условиях, города являли собой своеобразные полиэтничные и поликультурные конгломераты народов Северного Кавказа, Закавказья и Центральной России.

Часто меняющийся статус округов и городов отражал ход реформ и административно-территориальных преобразований в стране. В начале 1860-х гг. Северный Кавказ был разделен на Терскую и Кубанскую области и Ставропольскую губернию. В приказе по Кавказской армии от 3 мая 1860 г., как и в Именном указе, ранее объявленном Сенату министром юстиции, предлагалось Правое крыло Кавказской линии впредь именовать Кубанской областью, Левое крыло Кавказской линии – Терской областью, а все «пространство к северу от Главного хребта Кавказских гор и заключающее в себе как означенные две области, Терскую и Кубанскую, так и Ставропольскую губернию», – Северным Кавказом [19; 20, 17]. В официальных документах за 1890 год значится: *Владикавказ* – областной город Терской области; *Георгиевск* – заштатный город Терской области, Нальчикского округа; *Грозный* – окружной город Терской области; *Екатеринодар* – областной город; *Ейск* – приморский город Кубанской области; *Кизляр* – окружной город Терской области; *Кисловодск* – слобода Терской области, Пятигорского округа;

Моздок – безуездный город Терской области, Грозненского округа; *Нальчик* – слобода Терской области, Нальчикского округа; *Пятигорск* – окружной город Терской области; *Ставрополь* – губернский город [21].

Ставрополь – губернский город Ставропольской губернии. Первое здесь русское поселение относится к 1777 г., когда в числе четырех крепостей, на линии от Моздока до Азова, по сухой границе, была построена и Ставропольская крепость [22, 60]. В 1785 г. последовало Высочайшее Повеление об устройстве городов вблизи горских народов; а в следующем, 1786 г., «при открытии Кавказской губернии, она (крепость. – Б.Т.) сделана уездным городом. Название Ставрополя дано ей в воспоминание древнего греческого поселения в при-Каспийском крае, где, следуя преданию, целая страна носила имя Ставропольской. Это же обстоятельство подало повод Петру Великому дать крепости, построенной на Сулаке, название Святого Креста или Ставрополя, на этом же основании Архиепископы Астраханские, с 1722 по 1793 г. назывались Ставропольскими» [22, 61]. В 1824 году, по упразднению в г. Георгиевске губернского управления, Ставрополь был переименован из уездного города в областной и в него из Георгиевска переводятся присутственные места. С 1847 г., при переименовании области в губернию, он сделался губернским городом; «до образования Кубанской и Терской областей Ставрополь был средоточием всей гражданской и военной администрации Северного Кавказа. К этому времени относится период его наибольшего процветания и оживления» [23, 15]. То, что в Ставрополе были собраны военные, гражданские и духовные структуры, положение его на главном пути сообщения Закавказ-

ского края с империей и удаление от других городов, могущих соперничать в торговле, способствовали быстрому развитию города. «Ныне Ставрополь очень хорошо обстроен, имеет кроме казенных, много частных красивых каменных зданий», – отмечалось уже в середине XIX в. в «Кавказском календаре» [22, 61]. По данным на 1851 г., народонаселение Ставрополя состояло «преимущественно из русских, вышедших из внутренних губерний Империи; небольшого числа армян, переселившихся из Кизляра и Моздока. Число душ обоего пола простирается до 11,500; мужеска пола 6,700; женска – 4,800 душ».

С ростом населения, развитием экономической и культурной жизни города менялся его внешний облик: расширялась территория, велось каменное строительство гостиниц и торговых домов, проводилось освещение. К началу 70-х гг. XIX в. Ставрополь «по внешнему облику и благоустройству значился после Тифлиса первым городом Кавказского Наместничества. Он был наполовину вымощен, 300 фонарей освещали его улицы» [24, 267]. Ставрополь имел телеграфную связь с Тифлисом с 1862 г.; а в 1863 г. была установлена прямая связь с Москвой. Эта линия вскоре приобрела большое международное значение: через Ставрополь и Тифлис осуществлялась телеграфная связь между Москвой и Тегераном, Лондоном и Бомбеем [24, 268].

В пореформенный период в истории городов Северного Кавказа происходят большие перемены. В 1860-е гг. на территории Черноморского казачества и Кавказского линейного войска возникли две казачьи области – Кубанская и Терская. С окончанием в мае 1864 г. военных действий на Кавказе резко изменяется весь уклад политической и социально-экономической жизни Пред-

кавказья. В 1865 г. Штаб командующего войсками Кубанской области переносится в Екатеринодар [24, 261], Ставрополь же теряет свое бывшее значение военно-административного и политического центра огромной территории Северного Кавказа.

В середине 1870-х гг. Ставрополь лишился последнего преимущества перед другими городами Предкавказья: закончилось строительство Ростово-Владикавказской железной дороги, а с июля открылось движение поездов. Губернский город, находившийся «около сотни лет на главном почтовом тракте Кавказа, оказался далеко в стороне от железнодорожной магистрали; знаменитый Черкасский тракт в пределах губернии превратился в дорогу местного значения» [25, 104, 116]. Ставрополь перестает быть важным транзитным центром. Постепенно сокращалась в размерах и губерния, а со временем на ее территории из городов оставался лишь Ставрополь, имеющий административное значение [26, 41]. Несмотря на это, Ставрополь и к концу XIX в. оставался одним из самых населенных городов Северного Кавказа, уступая по темпам роста населения Георгиевску и Пятигорску. С 1847 по 1897 годы число жителей Георгиевска возросло в 5,9 раза, Пятигорска – в 4,8, Ставрополя – в 3,3 раза. Объясняется это тем, что Ставрополь только к концу века был соединен железной дорогой с главной магистралью Владикавказской дороги. К 1904 г. площадь города возросла вдвое, а с работами по благоустройству местная администрация и купечество не торопились. Большинство улиц в дождливую погоду тонули в грязи, их освещение было скудным, не хватало питьевой воды, антисанитария наблюдалась не только в рабочих трущобах, но и в гостиницах и постоялых дворах.

Городская беднота «ютилась в жалких турлучных домиках, которые в дождливую погоду утопали в грязи» [24, 269].

Увеличение численности жителей Ставрополя за счет крестьянства сказалось на социальной структуре городского населения – доля крестьян к 1897 году составила 48,5%. Среди ставропольчан в 1897 году были уроженцы 50 губерний европейской России: Курской, Полтавской, Донской, Воронежской, Пензенской, Орловской, Калужской, Тульской губерний и областей. Подавляющее большинство ставропольских горожан составляли русские – 87,2%; украинцы – 2,7%; армяне – 1,7%; поляки, немцы и др. – 8,4%.

Владикавказ. Владикавказ – крепость и при ней форштадт, до занятия «этого места русскими, был здесь Осетинский аул Капкай. Русское при нем укрепление было заложено и занято нашими войсками в 1784 г., а через два года войска из него выведены; потом, с возобновлением военно-грузинской дороги в 1803 г. оно было также возобновлено. Теперешнее название дано ему по важности его местонахождения в горах» [22, 63], – такую характеристику можно было прочесть в официальных документах первой половины XIX в. В процессе сближения России и Грузии российским правительством было принято решение об основании укрепления – символа власти Российского государства на Центральном Кавказе. Эта роль отведена была крепости Владикавказ, которая находилась на «Военно-Грузинском тракте из России в Закавказский край, в 356 верстах от губернского города Ставрополя и в 180,5 верстах от Тифлиса, на реке Терек перед главным хребтом Кавказских гор» [27, 56]. Постепенно крепость обзаводилась внутренними постройками, осуществлялось благоустройство

территории. Важную роль играли семейные офицеры; «здесь укреплялась христианская вера, началось просвещение детей, решались вопросы снабжения продовольствием, строительства» [28, 15].

К 50-м гг. XIX в. Владикавказская крепость значительно изменилась: расширились границы, увеличилось численность населения, развивались торговля и промышленность. С этого времени начинается преобразование крепости в город. 31 марта 1860 г. последовал Указ Правительствующего Сената о преобразовании крепости Владикавказ в город: «В видах развития на Кавказе торговли и промышленности и водворения начал мирной гражданской жизни между покоренными горскими племенами, признав полезным, согласно представлению Нашего Наместника Кавказского, обратить находящуюся на Военно-Грузинской дороге из России в Закавказье, впереди главного хребта Кавказских гор, крепость Владикавказ с прилегающим к ней крепостным форштадтом в город и даровав разные льготы и преимущества лицам, желающим водвориться в сем городе» [29, 32-32об.].

С образованием Терской области Владикавказ в 1863 г. получил статус областного города. Со временем город становится центром административного, экономического, военного управления. В сентябре 1865 г. из Моздока во Владикавказ переместился центр управления Терского казачьего войска, канцелярия наказного атамана и войсковое дежурство [30, 144]. 31 марта 1873 г. император утвердил герб г. Владикавказа. Все элементы герба отражали смысл закладки и функционирования города: гора Казбек, Черные горы, крепостные ворота (Капкай), ведущие в Закавказье, и ключ от них.

В течение XIX в. во Владикавказе наблюдается экономический, демографический и культурный рост. Первыми жителями Владикавказской крепости были русские – военные и отставные, осетины, армяне-торговцы. К 1852 г. русское население крепости составляло 2500 чел., значительна часть городского населения была представлена осетинами (в 1852 г. их было 883 чел.). В 1874 г. по всей Терской области проживало «506010 душ обоего пола», из которых во Владикавказе – 20836 чел., размещавшихся в 2109 домах. Полиэтнический состав горожан отразился и на храмовом строительстве: в этот период в городе уже были построены шесть православных церквей, одна «молельная раскольников», костел, армянская церковь и еврейская синагога. Большое внимание уделялось образованию – к 1974 г. во Владикавказе «считалось» восемь учебных заведений: Владикавказское реальное, Николаевское городское 3-х классное, Лорис-Меликовское ремесленное, начальное Константиновское, коновальное училища, Ольгинская женская гимназия, Ольгинское осетинское девичье училище и частное учебное заведение г-жи Липинской [31; 32, 474-475].

Со времени обращения Владикавказа в город (1860) его население стало заметно увеличиваться. Сюда переселялись кабардинцы и кумыки, ингуши и чеченцы, евреи, армяне, русские и др. Официальная статистика фиксировала значительный механический прирост населения. В документах выделяются две категории переселенцев – «прибывших на жительство» (они переселялись согласно правительственным указам и могли рассчитывать на получение статуса коренных или «иногородних имеющих оседлость») и «всех прибывших» (отходники, сезонные рабочие) [33, 26-

29]. В 1914 г. в городе проживало 49993 чел.

С проведением железной дороги из Петровска (ныне Махачкала) во Владикавказ возрастает число приезжих: торговцев, мигрантов, отходников и пр. Из доклада Владикавказской городской управы об экономическом и культурном состоянии г. Владикавказа от 24 октября 1889 г. следует: «Находясь у подножия главного Кавказского хребта, Владикавказ служит естественным и ближайшим рынком для сбыта произведений горцев... Кроме того, Владикавказские базары и рынки снабжают Тионетский уезд Тифлисской губернии и сам Тифлис, а также часть Кутаисской губернии зерновым хлебом, горским сукном, бурками...» [34, 3-5] Владикавказ становится экономическим, культурным, политическим центром края, что привлекает сюда представителей различных этнических групп. Первоначально сформировавшиеся группы в течение второй половины XIX – начала XX века пополнялись новыми мигрантами. Это относилось прежде всего к осетинам, русским и армянам, рост численности которых был самым высоким.

Екатеринодар. Областной город был основан как крепость в 1793 г. на Карасунском куту черноморскими казаками, переселившимися на Кубань. Его строительство, как и Тамани, преследовало в первую очередь стратегическую цель – быть «непоколебимым подкреплением стоящих на пограничной страже кордонов» по р. Кубань [35, 5]. Самим фактом своего основания как центра войсковой территории и пункта управления Черноморской кордонной линией, Екатеринодар был поставлен в условия, в корне отличные от условий развития других городов. Во-первых, население Екатеринодара, состоящее исключительно из казаков

и офицеров Черноморского казачьего войска, вело военный образ жизни, определенный пограничным положением города и необходимостью несения кордонной службы. Во-вторых, статус Екатеринодара как «войскового города» обусловил отсутствие здесь постоянного гражданского населения (ввиду юридической невозможности лицам «невойсковых сословий» иметь недвижимость в землях Войска), способного каким-либо образом обеспечивать внутреннее экономическое развитие и благоустройство города [14, 70-71]. За время существования Екатеринодара как «войскового города» его государственными функциями являлись административная, коммуникативная и торговая (город стал пунктом ярмарочной и базарной торговли); на уровне Земли войска Черноморского город выполнял, помимо указанных, еще и функции религиозно-церковного, образовательного центра и пункта меновой торговли с закубанскими горцами [36, 119-120].

В Представлении Кавказского комитета по проекту Положения о заселении и управлении города Екатеринодара от 12 августа 1866 г. отмечалось, что на основании утвержденного в 1862 г. Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта «посторонним лицам» предоставлено право приобретать покупкою как в станицах, так и в самом городе Екатеринодаре «пустопорожние места, построения и сады, и усадьбы», оставшиеся за переселением казаков на передовые линии, – в потомственную собственность, с обязательством платить за землю «ежегодно по 5 коп. за квадратный сажень в городской доход» [37, 1]. Далее в документе говорится о том, что с введением этого Положения большая часть «войсковых обывателей» города выселилась в предгорья западной части Кавказского

хребта, а их места должны занять новые переселенцы, «не принадлежащие к казачьему войску». Поэтому, для привлечения мигрантов в город и возведение его «на такую степень, чтобы он мог своею промышленностью и образом управления способствовать развитию гражданственности в среде казачьего сословия, остающегося доселе замкнутым по своим установлениям и привычкам», необходимо изменить существующее Положение, предоставив населению города «те выгоды, каким пользуются прочие города внутренних губерний Империи и какие необходимы для благоустройства».

Утверждение 6 июля 1867 г. «Положения о заселении и управлении города Екатеринодара», открывшее путь свободному притоку населения в город, явилось переломным событием, означавшим качественно новый этап екатеринодарской истории – начало складывания города капиталистического типа [38, 92]. Быстрыми темпами стало расти население: в 1859 г. насчитывалось 9620 чел., а в 1910 г. – 92254 чел. [35, 5; 39, 885].

Если в 1858 г. известный исследователь И.Д. Попко писал: «Именуется Екатеринодар (этот курень) городом потому, что в нем находятся власти, присутственные места и заведения, присущие городу. Здесь проживал войсковой наказной атаман, с главным войсковым управлением, военным и гражданским» [40, 59], – то к концу XIX в. за счет увеличения количества и изменения социальной структуры населения (в том числе и за счет массового переселения) Екатеринодар превратился в город буржуазного типа. Мещане составляли 47,5% от общего числа жителей, крестьяне – 35, 22%, казаки – 5,74%. Именно пришлое население, составившее в 1897 г. около 62% горожан, послужило

основой формирования торгово-промышленной буржуазии [38, 93].

Важное значение в истории Екатеринодара имело строительство Владикавказской и Черноморско-Кубанской железной дорог с множеством ветвей, а также пароходное сообщение по нижнему течению Кубани, которые способствовали превращению города к началу XX в. в крупнейший товарный центр сельскохозяйственного производства Северного Кавказа [41, 32-35]. В процессе эволюции город видоизменялся и благоустраивался, расширились его хозяйственные функции, уплотнялась городская застройка, развивалась инфраструктура. В целом к началу XX в. Екатеринодар становится крупнейшим промышленным, торговым и культурным центром Северного Кавказа [38, 93] с выделяющейся особенностью: наряду со статусом административного центра Кубанской области он остается и центром Кубанского казачьего войска.

Система российских городских поселений, существовавшая в XIX – начале XX веков, сложилась в основном еще во второй половине XVIII столетия в результате волевых правительственных решений периода правления Екатерины II. Основной задачей государственной политики этого времени было укрепление собственных территорий и расширение границ, в том числе и на Северном Кавказе. На всем историческом пути российской государственности основание городов являлось одним из показателей ее «состоятельности». Материальная, финансовая, военная, идеологическая поддержка государства превращала города в символы «русской государственности, а градостроительство рассматривалось как дело государственной важности» [11, 145]. Спустя столетия города в своей эволюции смогли стать не только центрами при-

тяжения новых мигрантов, но и родным домом для многих этнических групп. Аккумулятор народных традиций, хозяйственных достижений, культурной интеграции и множества других проявлений, город становится фактором прогресса и в северокавказском регионе.

Официальные статистические данные фиксировали административно-территориальные изменения, подвижность и численность населения, инфраструктуру, род занятий и пр. относительно всей территории Российской империи. Соответственно, это нашло отражение и в городской статистике. Так, данные Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской империи относительно Кавказа содержат следующую информацию: в 1910 г. в административно-территориальном отношении к Кавказу относились Ставропольская, Терская, Кубанская, Черноморская, Кутаисская, Батумская, Карская, Эриванская, Тифлисская, Елисаветпольская, Бакинская, Дагестанская губернии и области.

В состав **Ставропольской губернии** входит Ставрополь – губернский город, торговый пункт, железная дорога, 57238 жит., кроме того войск – 1625; Св. Креста – безуездный город; Новогригорьевский уезд, 12255 жит., кроме того войск – 15 (см.: [39, 885]).

Терская область: Владикавказ – областной город, желез. дорога, 71105 жит., кроме того войск – сведений нет; Грозный – окружной город, желез. дорога, 25953 жит., кроме того войск – сведений нет; Кизляр – окружной город, торговый пункт, 10270 жит., кроме того войск – 283; Пятигорск – окружной город, курорт, железная дорога, 29845 жит., кроме того войск – 1397; Георгиевск – безуездный город Пятигорского округа, 20346 жит., кроме

того войск – 976; Кисловодск – окружной город Пятигорского округа, курорт, железная дорога, 13533 жит., кроме того войск – сведений нет; Моздок – слобода, административный центр Моздокского отделения, 16768 жит., кроме того войск – 300.

Относительно **Кубанской области** зафиксировано: Екатеринодар – областной город, торговый пункт, желез. дорога, 92254 жит., кроме того войск – сведений нет; Ейск – уездный город Ейского отделения, торговый порт, 46120 жит., кроме того войск – 188; Майкоп – уездный город Майкопского отделения, торговый пункт, 41954 жит., кроме того войск – 2148; Темрюк – уездный город Темрюкского отделения, торговый порт, 17610 жит., кроме того войск – 121; Анапа – безуездный город Темрюкского отделения, порт, курорт, 11429 жит., кроме того войск – сведений нет.

Рассмотренные нами процессы урбанизации наглядно демонстри-

руют вовлечение, а в последующем и полноправное участие северокавказского региона в общероссийских тенденциях. Сделав в составе России значительный шаг вперед в своем развитии, Северный Кавказ к 1917 г. вместе с тем испытывал многочисленные экономические и социальные трудности и проблемы, по существу, характерные для развития «российского капитализма в целом, но отягощенные веками местной исторической отсталости» [42, 196]. Вместе с тем, единая система административно-территориального управления способствовала организации жизни народов Северного Кавказа «на прочных государственных началах», развитию между областями и округами разносторонних связей и взаимодействия в решении общих вопросов, устранению экономической раздробленности и внутреннему сближению народов края.

1. Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М., 1999.
2. Перцик Е.Н. Города мира: география мировой урбанизации. М., 1999.
3. Баранский Н.Н. Изучение городов американскими географами // Вопросы географии. М., 1956. Сб. 38.
4. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
5. Кизеветтер А. Деятельный век в истории России. Ростов-на-Дону, 1905.
6. Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России 1860-1917 гг. М., 2009.
7. Миронов Б. Мудрая реформа или побочное дитя? // Родина. 2011. № 3.
8. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб, 2000. Т. 2.
9. Кошман Л.В. Власть и город. Судьбы местного самоуправления // Очерки русской культуры (конец XIX – начало XX века). М., 2011. Т. 2.
10. Сенявский А.С. Российская урбанизация: некоторые историко-методологические проблемы // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М., 1999.
11. Рабцевич В.В. Провинциальный русский город как фактор регионального

- развития в XVII-XIX вв. (на материалах Сибири) // Социально-политические институты провинциальной России (XVI – начало XX вв.). Челябинск, 1993.
12. *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. Ярославль, 1877. Т. 2. Городское самоуправление в России до 1870 г.
 13. *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен.* Монографический сборник. М., 2001.
 14. *Бондарь В.В.* Войсковой город Екатеринодар 1793-1867 гг. Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. Краснодар, 2000.
 15. *Гриценко Н.П.* Города Северо-Восточного Кавказа. Ростов н/Д, 1984.
 16. *Белозеров В.С.* Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005.
 17. *Гатагова Л.С.* Образ Кавказа в русском общественном сознании (XVII – XIX вв.) // Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII – XIX вв.). М., 2011.
 18. *Русские в Евразии XVII-XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде.* М., 2008.
 19. ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. № 35421.
 20. *Осетия. Историко-этнографический справочник.* СПб.-Владикавказ, 1998.
 21. *Кавказский календарь.* 1890. Отд. 1.
 22. *Кавказский календарь.* 1851. Отд. 3.
 23. *Вейденбаум Е.* Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888.
 24. *Очерки истории Ставропольского края с древнейших времен до 1917 года.* Ставрополь, 1984. Т. 1.
 25. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 101. Оп. 4. Д. 543.
 26. Российский государственный исторический архив. Ф. 20. Оп. 4. Д. 3454.
 27. *История Владикавказа (1781-1990 гг.): Сборник документов и материалов.* Владикавказ, 1991.
 28. *Шупец Е.С.* История развития города Владикавказа: тенденции и особенности (1784-1917 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2003.
 29. Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее ЦГА РСО-А.). Ф. 12. Оп. 1. Д. 845.
 30. *Ларина В.И.* Очерк истории городов Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960.
 31. *Терский календарь.* 1852.
 32. Статьи неофициальной части Терских Ведомостей. 1875.
 33. *Канукова З.В.* Старый Владикавказ. Владикавказ, 2002.
 34. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 62. Д. 2009.
 35. *Шевченко Г.Н.* Социально-экономическая структура городов Кубани в дореформенный период // Новейшие исследования по социально-экономической и культурной истории дореволюционной Кубани: Сборник научных трудов. Краснодар, 1989.
 36. *Бондарь В.В.* Города Кубани в конце XVIII – начале XX века (опыт типологического анализа) // Вопросы историографии и истории Северного Кавказа в XVIII – начале XX вв. Краснодар, 1997.
 37. Представление Кавказского комитета по проекту Положения о заселении и управлении города Екатеринодара. Боржоми, 1866.

38. Бондарь В.В. К вопросу о типологии российских городов: Екатеринодар // Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар, 1994.
39. Города России в 1910 году. СПб., 1914.
40. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858.
41. Ратушняк В.Н. Екатеринодар как крупнейший товарный центр сельскохозяйственного производства Северного Кавказа (конец XIX – начало XX вв.) // Краснодару – 200 лет. Краснодар, 1993.
42. Россия и Северный Кавказ: история и современность. М., 2006.